

(1919-1998), Rostov-on-Don: Izdatel'stvo Severo-Kavkazskogo nauchnogo tsentra vysshey shkoly, 2004, pp. 306-328.

32. Shadzhe, A. Yu., Fenomen kavkazskoy identichnosti (Phenomenon of the Caucasian Identity), *Ocherki kavkazskoy kul'tury*, Maykop: Izdatel'stvo Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta, 2001, pp. 128-145.

М. Л. Ханмагомедов*

А. Н. Гебекова**

**Тюркский топонимический ландшафт
Северного Кавказа вне ареалов расселения
тюркоязычных народов
как историко-географическая реальность**

Авторами рассматривается тюркский топонимический ландшафт в регионах Северного Кавказа (в Дагестане, Чечне, Ингушетии, Северной Осетии-Алании, Абазинии (Карачаево-Черкесия), Адыгее, Краснодарском крае). Возникновение и функционирование тюркского топонимического ландшафта вне ареалов расселения тюркоязычных народов на Северном Кавказе – результат контактов тюркоязычных народов в указанных регионах с нахско-дагестанскими и адыгскими этносами. В этих регионах тюркские топонимы выступают в качестве одной из составляющих топонимического спектра.

Ключевые слова: Северный Кавказ, Дагестан, Чечня, Ингушетия, Северная Осетия – Алания, Абазиния, Адыгея, Краснодарский край, тюркские топонимы, топонимический ландшафт.

Как пишет В. Х. Унатлова, «характер, направление, степень интенсивности процессов взаимовлияния контактирующих народов находят отражение в развитии взаимодействующих языков. Надъязыко-

* **ХАНМАГОМЕДОВ Ханмагомед Лязимович** – доктор географических наук, профессор кафедры физической географии и геоэкологии Дагестанского государственного педагогического университета Махачкала, Россия. Электронная почта: tberikay@mail.ru.

** **ГЕБЕКОВА Аджабике Набиевна** – кандидат педагогических наук, доцент, кафедра педагогики и дошкольной психологии, Чеченский государственный педагогический университет, Грозный, Россия. Электронная почта: tberikay@mail.ru.

вые процессы взаимодействия могут найти отражение во внутриязыковых, внутривидовых взаимодействиях элементов. Длительное и тесное взаимодействие языков, относящихся к различным семьям, в конечном итоге может привести к возникновению не только материальных, но и структурных общностей» [11, с. 244]. Такой территорией в России является Северный Кавказ – один из полиэтнических регионов со сложной дифференциацией географических ландшафтов.

На его территории проживают народы северокавказской (адыгские, вайнахские, дагестаноязычные народы), алтайской (тюркоязычные группы – азербайджанцы, кумыки, ногайцы, тухменцы), индоевропейской (русские, украинцы, армяне, грузины, осетины) семьи языков. По ним можно определить и закрепление топонимов в той или иной территории. Например, адыгские народы – адыгейцы, абазинцы, кабардинцы, черкесы – расселены в Республике Адыгея, в Карачаево-Черкесской, Кабардино-Балкарской республиках, тюркоязычные – в равнинном Дагестане, Карачае, Балкарии, Ставропольском крае, вахнахские – в Ингушетии, Чечне, на Западе Кумыкской равнины Дагестана, дагестаноязычные – в Республике Дагестан. Русские и украинцы, в основном, в Ставропольском и Краснодарском крае, в городах и рабочих поселках региона. Лишь в одной Чечне 21 тип ландшафта с многочисленными подтипами, а также классами ландшафтов [2, с. 197-208]. Э. Т. Майборода и М. И. Цапко пишут: «В настоящее время модель управления в сфере этнонациональных отношений представляет собой действия, которые можно описать в следующем виде: администрированные в виде реакции на события; администрированные в виде долгосрочного планирования и контроля над исполнением решений» [7, с. 71].

Россия с глубоких времен решала вопросы этнонационального возрождения горских народов Северного Кавказа. Она поощряла межнациональные контакты его населяющих народов. Здесь не исключение регионы распространения тюркских топонимов и топонимического ландшафта. Особенно этот вопрос актуален в изучении тюркских топонимов вне основного ареала тюркоязычных народов. Такими территориями являются горные территории Дагестана, Чечни, Ингушетии, Северной Осетии – Алании, Карачаево-Черкессии, Адыгеи, Краснодарского края.

В Дагестане имеется тюркская топонимия, например, в рутульской, цахурской языковых территориях. У них сохраняется, мож-

но сказать, в «первозданном» виде исконная, субстратная топонимия. Согласно исследованию Х. Л. Ханмагомедова, все тюркизмы в агульской языковой территории составляют 13 % от 1388 изученных тюркских мегалов, в лакской – 0,35 % [12, с. 40]. Следует отметить, что тюркские лексические элементы при проникновении в лакский язык фонетически адаптируются, при этом тюркские звуки трансформируются в свои ближайшие корреляты вплоть до эквивалентного совпадения [10, с. 17]. Не обязательно, что все лексические единицы топонимии нашли отражение в изученных Х. Л. Ханмагомедовым 90 микропонимах. 3 топонима связаны с азербайджанским языком [12, с. 31]. В табасаранской топонимической лексике встречаются суффиксы -лу, -чи, -луг, -суз, заимствованные из азербайджанской лексики [12, с. 31]. Немало антропонимов тюркского происхождения в лезгинской топонимии. Согласно Э. Я. Сафаралиевой [5, с. 15], этому способствовали контакты лезгин с тюркскими племенами, появившимися на территории Дагестана еще в V-VI веках, а также близкое родство с тюркоязычным Азербайджаном. На территории Терско-Сунженского региона Северо-Восточного Кавказа, согласно анализу материалов А. Сулейманова, зафиксировано 10 430 топонимов, из них тюркских – 2,6 % [14, с. 113].

Р. К. Чокаев пишет, что в языке чеченцев и ингушей мы находим такие тюркизмы, которые давно утеряны (выявить их – задача вайнаховедов – Х. Х., А. Г.) многими ныне живыми языками. Он рассматривает здесь топонимические термины в топонимии вайнахов такие как эвла («аул»), юрт («село, поселение»), встречаемые в низменной части Чечни и Ингушетии, кЮотар («деревня»), так заимствованные из тюркских (ср. кумык. отар, азерб. отар), встречаемой в названиях Бени-кЮотар, Хиди-кЮотар, Олхазар-кЮотар и др., кала // гГала// кхавылла («город, крепость»).

В XVI-XVII вв. в нахских языках появляется слово «юрт», как заимствование, видимо, из кумыкского, су//сай («речка», «вода») отмечается главным образом на территории восточной Чечни (Ярыксу «светлая вода», Гумс-Кхум «песчаная вода», Исти-Су «горячая вода», Яман-Су «плохая вода», Баш-Су «головная речка») [17, с.159-160]. Б. И. Арсамаков пишет: «Реальные исторические связи предков ингушей были с различными тюркскими племенами и народами и прослеживаются с первых веков нашей эры. Северный Кавказ и Южно-Русские (сохраняем его написание как у Б. И. Арсамакова – Х. Х., А. Г.)

степи последовательно населяли племенные союзы и объединения алан хунну (гуннов) сабиров (суваров, савиров), хазар, болгар, огузо-печенегов, половцев – кипчаков [1, с. 14].

Б. И. Арсамаков в приложении рассматривает древних тюрков в Горной Ингушетии. Он отмечает: «Исследователи нахских языков выделяют определенную группу тюркских слов в лексическом фонде ингушского языка, рассматривая их как часто внешнее заимствование (в основном из кумыкского) при торговых и военных сложениях» [1, с. 171]. Далее Б. И. Арсанаков [1, с. 171-172] подчеркивает: «Однако, материалы наших (Б. И. Арсанакова и др. – Х. Х., А. Г.) многолетних изысканий в Ингушетии убедительно свидетельствуют, что предки ингушей имели длительные политические, экономические, культурные, внешние связи с перечисленными племенами и народами тюркоязычного мира. Эти связи оказались столь многочисленными и глубокими, что значительно обогатили не только язык ингушского народа, но и топонимику, и ономастику (топонимика – раздел ономастики – Х. Х., А. Г.), и фольклор, и некоторые обряды (к примеру: ингушский свадебный обряд ближе к кумыкскому, чем к чеченскому (с этим мы не можем согласиться – Х. Х., А. Г.)). Он приводит лексемы альдита, гIайгIа, даар, даьра, диткомара, етт, зирак, зоxx (укх), йьк (йух, шокь, кьокь, йакх-йех – хIахъ), сиппа, тек, теле, тов, чабакх, чоп, цац, эмчек, бат, баге, букь и др. [1, с. 172-173]. По мнению Б. И. Арсамакова, суффиксы -ча и -сиз на основе топонимического материала Горной Ингушетии выявлена группа суффиксов, имеющих древнетюркскую природу [1, с. 177]. Среди них он называет суффиксы места – -ча, пространственности – -ла, свойства, места – -ми, форманта множественности – -ш (-аш, -ош), а также -ба, -ва, -йа, -да, -джак с древнетюркскими наречиями [1], наличие в названиях отдельных географических объектов из тюрк. типа гол (кол) «рукав реки», ты (тоо/тог риог, дак (даг), кара (гора) гора «гара», сай (сой/цой) – «узкий овраг, сухое русло» [1, с. 174]. Мы согласны с ним, что «внимательное, всестороннее и, главное, беспристрастное изучение всего имеющего материала (и язык, и фольклор, и предания, и этнография, и топонимика, и пр.) позволит установить глубокое родство ингушского народа с тюркским миром. В свою очередь, ингушский материал поможет восстановить многое из того, что сегодня утеряно тюркским миром. Воистину, «то, что потеряно на равнине, можно найти в горах», цитируя работу В. И. Гамрекели «Двалы и Двалетия» (Тбилиси, 1961).

Большой вклад в изучении тюркского (и монгольского) слоя онимикона Республики Северная Осетия – Алания внесла А. Дз. Цагаева [15] и, как она отмечает, «предки осетин, скифо-сармато-аланские племена, жили продолжительное время в близком соседстве с тюркоязычными балкарами, называя последних своим собственным этнонимом – асси» [15, с. 148]. На основе многочисленного материала, а именно: топонимов Байыком («ущелье богача»), Байындур («камень богача») (по нашему мнению, значение скорее всего – «гора богаче» - Х. Х., А. Г.), маддиен (букв. «мать – матушка»), ханч («хой»), выражающие общественные отношения, этнопонимы-сафиры как («ущелье сабиоров»), Сапыры ком («ущелье сабиоров»), Татартупп («татарский холм»), Ногай уелаердта («ногайские кладбища»), кобан / хъобан фитотопонимы Атагъа («прибрежный лес, лесистая речная долина»), Балта (с ногайск. «роща» и «топор»), Табылдом (с тюрк. + осет. «река у таволпонике»), Хъзагъас (возможно, тюркский этноним: «карагас» от тюрк. «карагас» – Х. Х., А. Г.), зоотопонимы – Бирегъы ердюз («волчья поляна»), Бирагзонт (букв. «волчья полоса»), Бирегъы усенте («место, где воет волк»), Теуадур (букв. «верблюду камень»), Цакъеон («принадлежащий козам, косулям»), антропонимы, среди которых Агакайы обау («курган Ачана»), состоящие из тюркских основ: а) из чисто тюркских основ – одноосновные и двуосновные (Арса, Дагъ, Къоб, Сала, Хъала, Ахъмаз, Елхой, Заманхъул, Татартуп), двуосновные – Кара-Су («черная (родниковая) вода»), Ямантау («плохая гора»), Дуухъале («раздвоенная крепость»), Солагом («ущелье ручейка») и др. [15, с. 153].

Мы давно занимаемся топонимикой, в том числе антропотопонимикой, включая данные онимы в группу антропонимических, что явно допускает искажение рода географического объекта: первый и третий – область гидронимики, второй – оронимики. А. Дз. Цагаева приводит гибридные топонимы: 1) где одна часть объяснима (Арбизан «арбиатумед»); 2) представляющие форму именительного падежа в единственном числе (Далдагъге, Тоборахъта) [15, с. 155] [15, с. 14]. Здесь, отмечает А. Дз. Цагаева, названия-тезки, которые встречаются еще за пределами Осетии [15, с. 154]. Мигрировавшим племенем с территории нынешнего Азербайджана на территорию современной Республики Северная Осетия – Алания можно считать и каинов. Племя каин бытовало на территории нынешней Республики Азербайджан в XI-XII вв. [4, с. 63], возможно, мигрировало в XII-XIII вв. на террито-

рию указанной республики, что нашло закрепление в названии квартала и межгорной равнины у села Хусса Къайылыгъу с осет. «равнина каинцев») [13, с. 167].

Наши полевые наблюдения показывают, что из-за относительно сходных физико-географических условий и социально-экономического развития Республики Северная Осетия – Алания сираки Армении (чираки, чираги, шираки) на территории Армении, Азербайджана и РД естественно ассимилировались с армянами, азербайджанцами и даргинцами, приняв традиции, обычаи, уклад жизни последних. Предполагаем, что миграции сираков в указанные территории происходили из Республики Северная Осетия – Алания. Не исключено, что среди ираноязычных осетин были и тюркоязычные сираки. Естественная ассимиляция привела к принятию традиций, обычаев и уклада жизни местного населения, переселившегося с территории нынешнего Азербайджана на территорию современных Республик Дагестан и Северная Осетия – Алания (канлинцев), на территорию нынешней Республики Азербайджан (каинцев) [13, с. 168].

Широкий ареал и на Кавказе не только имело тюркское племя кул (кол, гул). Оно отмечается в этнической карте Армении, Азербайджана, Грузии. В V-VIII вв. кулы мигрировали из Азербайджана в Дагестан и отражены в названии села Дербентского района Куллар (с азерб. кулы) [13, с. 167]. Топонимов с этим этнонимом в книге А. Дз. Цагаевой «Топонимия Северной Осетии» (Ч. 2: Словарь географических названий) [16] мы насчитали 13. Она в вышеуказанной работе неточно объясняет ряд топонимов с этим этнонимом. Согласно ей, топоним Къулы балагъу означает «подобный желобу», Гулийыдон – «река, протекающая через село Гуил», Гули – связан с именем первоселенца, Къулы хуым – «на склоне пашня», Гулайы къахта – «полоса Гула», Кул – «склон, скат, стена», Къул уыгъардан – «луг на склоне». Они означают, соответственно: «желоб кулов», «река кулов», «кулы», «пашня кулов», «полоса кулов», название племени без определяемых сочетаний, «луг кулов», т.е. отражают расселение племени кулов [13, с. 167].

Рассматривая тюркские топонимы в Республике Северная Осетия – Алания, А. Дз. Цагаева внесла большой вклад не только в исследование тюркского топонимического ландшафта Осетии (не только Северной Осетии – Алании), но тюркского топонимического ландшафта всего Кавказа. Касаясь тюркского (и монгольского) элементов в абазинской топонимической этноязыковой среде, С. Х. Ионова, ци-

тируя Е. А. Алексееву, пишет: «начало проникновения тюркизмов в абазинские и адыгские языки связывается с появлением на Кавказе тюрко-монгольских племен в XIII в.»; а цитируя А. К. Шагинова, что большинство тюркизмов попало в абхазо-адыгские языки во время Золотой Орды и в период турецко-крымской экспансии на Северо-Западном Кавказе в XVII в. [15, с. 38]. С. Х. Ионова приводит 37 топонимов тюркского слоя, среди которых АлбыртГан («селение на повороте»), Къазма (с ногайск. «рыть» [землю]), ТобаГІвых («раздвоенный холм»), Ног вайнышвынтара («ногайское кладбище») [6, с. 29-31].

Следует отметить, что топонимический фон Абазинии – абазинские, тюркские, монгольские, русские топонимы выступают как топонимический спектр. По нашим подсчетам в работе К. Х. Меретукова «Адыгейский топонимический словарь» [7] приводится 17 топонимических полей: чисто тюркские – 4 (Аул, Гюзел-дере «красивое ущелье», Муртазыкъ, Тубе «гористая местность»), остальные 13 – гибридные (тюрк. + адыг.). К. Х. Меретуков [7, с. 27-28] дает значение аула как «чаевая пешая охота»; названия левого притока р. Тисхи – возможно, в значении «квартал, село». Он, касаясь названия правого притока р. Хъаджиикъо псыха, отмечает значение «река Аутливых» [8, с. 28]. Этот приток (река), как отмечает выше цитируемый автор, берет свое начало с горы Ауль. Мы не исключаем того, что этот ойконимический термин впоследствии стал выражением (этнотопонимом) народа, может быть, населявшего берег этой реки. Мы, являясь представителями одного из тюркоязычных народов Северного Кавказа, «не встретили» значение, а он отмечает Муртазыкъ как «охранник», Муртазыкъ и Муртазали – не с одного ли антропонимического поля? В качестве примера к гибридным топонимам отметим онимы Аюбе ибжау («пасека Аюба»), Бай къом ипсыуналь (Байкуа полос»), где, согласно К. Х. Меретукову [8, с. 36], бай – «богатый», къо – «сын», псыуца – «водоросль, водяная трава», ль – словообразовательный элемент со значением «вместилище».

Представлены в указанном словаре К. Х. Меретукова топонимы с этнонимом канлы. Племена канлы известны в истории с III в. н.э. как жители Центральной Азии [3, с. 627-628] и отмечаются среди сельджуков-огузов в XI-XII вв. В XIII в. во время вторжения монголов на территорию современного Азербайджана было и это племя [4, с. 35]. По нашему мнению, племя канлы в этот период мигрировало и

на Северный Кавказ, что нашло отражение в топонимах Республики Адыгея Къанлыгъа мез («лес канлинцев»), Къанлыгъэ гъехъун («поляна канлыинцев»), Къанлыгъ эпс («канлынская» [река, аул]) адыг. яз. Топоним Республики Алания Къанлыгъэ темэн не означает «паленный (спаленный) камыш», как отмечается в литературе [8, с. 87], а означает «болото канлыинцев» и отражает бывшее расселение отмеченного племени [13, с. 167].

В ходе исследования был рассмотрен тюркский компонент в топонимии Кубани Л. Г. Гулиевой [5]. По ее мнению, здесь тюркские топонимы – топонимический пласт, наряду с адыгскими и восточнославянскими [5, с. 4]. Здесь тюркские топонимы связаны с жившими или кочевавшими народами, начиная с болгар, далее гуннов, хазар, печенегов, половцев, татар, ногайцев, турков [14, с. 5]. Ею в гидронимии Кубани выделяются 2 группы: 1) одноосновные (рр. Чохрак, Агаилы, Кагалы; 2) двуосновные (р.р. Челбаш, Бейсут, Адагум, Учкуль). В цитируемом источнике рассмотрены непроезжие гидронимы, на основе которых лежат названия животных (р. Буу «олень», р. Аюк «медведь»), собственные имена людей (р. Джангир, р. Боба-Хаджибии), эллиптированные (р. Кисил (кызыл – «красный»), р. Кура (куру – «сухой»), р. Сасык («гнилой, вонючий»), р. Беш («пять»)), производные, с формантом –лы (-ли, -лю), -лык (-лик, -лук, -люк), -ты, -чик, -джик, -дыр(ы) –джа с примерами названий рек Кирпили, Кукуртлю, Чамлык, Чубуклух, Каяршакъ, Балыклы, Кукуртлю, Казинчик, Ниджик, Бугундур, Бугунджа, с термином су, сут, сун «вода, река» (Бекуб, Бейсут, Корасут), баш / бас «верховье реки» (Аюбали, Челбас), коль (коль, куль, гель, голь) – «озеро» (Чубурголь, Учкуль, Туланлы – гель), «источник», чай (Карачай), чокрак (Беймурза-чокрак), булак – «родник» (Ачи-Булак), гир- «ручей», «речка» (Калагир), тюбе, тау – «гора, пригорок» (Актобе), тыр, кыр (Актыр), дере (Уг-дире), таш «камень» (Кызыл).

На основе изученного материала можем заключить, что появление на карте Северного Кавказа тюркского топонимического ландшафта вне основного ареала расселения носителей тюркских языков – реалия отражающая как физико-географические условия, так и контакты тюркоязычных народов с адыгами и нахско-дагестанскими народами. Данная работа требует дальнейшей разработки как природного и этноязыкового наследия с широким привлечением материала из регионов Южного Кавказа. Тюркские топонимы Северного Кавказа

вне основного материала расселения тюркоязычных народов – уникальные памятники природы и общества, надо их сохранить в «первозданном» виде и их не переименовывать.

Использованная литература:

1. Арсамаков Б. И. Аз и мы: Ингушский язык. Назрань: Полиграфкомбинат, 2001.
2. Байраков И. А. и др. Чеченская Республика: природа, экономика и экология: уч. пос. Грозный: Изд-во ЧГУ, 2006.
3. Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. в 5-ти томах. Т. 1. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1961.
4. Гейбуллаев Г. А. Топонимия Азербайджана. Баку: Элм, 1985.
5. Гулиева Л. Г. Опыт исследования гидронимии Кубани: автореф. дис... канд. фил. наук. М., 1969.
6. Ионова С. Х. Абазинская топонимия. Черкесск: Кн. изд-во, 1992.
7. Майборода Э. Т., Цапко М. И. Новые подходы к оптимизации этносоциальных отношений / Взаимодействие народов и культур на юге России. История и современность: тез. докл. регион. научн. конфер. (Ростов н/Д 19-20 сент. 2007 г.). Ростов н/Д: Изд-во Южн. научн. центра РАН, 2007. С. 71-72.
8. Меретуков К. Х. Адыгейский топонимический словарь. Майкоп: Прометей, 1990.
9. Сафаралиева Э. Я. Антропонимика лезгинского языка: автореф. дис... канд. филол. наук. Махачкала, 1981.
10. Сулейманов А. Топонимия Чечни. Грозный: ГУП «Кн. изд-во», 2006.
11. Унатлова В. Х. К выявлению адыгизмов в тюркских языках Северного Кавказа / Симпозиум: Языковая ситуация в современном мире: Междисциплинарный анализ глобальной и региональной проблематики. Ч.2.: тез. I Междунар. конгресса 11-14 сент. 1996 г. Пятигорск: Изд-во Пятигор. гос. лингв. ун-та, 1996.
12. Ханмагомедов Х. Л. Топонимия Дагестана. Топонимия территории со сложной географической средой и этноязыковым составом населения. Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1990.
13. Ханмагомедов Х. Л., Гебекова А. Н. Миграция сираков, кулов, канлинцев, каинцев по территории Кавказа (по данным топонимии) / Миграция населения в стратегии региональной безопасности и регионального развития: материалы науч.-практ. конф. Смоленск 16-17 мая 2000 г. Смоленск: Изд-во Смоленск. гуманит. ун-та, 2000. С. 166-167.
14. Ханмагомедов Х. Л., Насруллаева П. Н. Русские поселения и топонимический ландшафт Терско-Сунженского региона Северо-Восточного Кавказа / Известия Даг. гос. пед. ун-та. Серия «Естественные и точные науки». 2016. № 1 (34). С. 110-116.

15. Цагаева А. Дз. Топонимия Северной Осетии. Ч. 1. Орджоникидзе: Изд-во Сев.-Осет. НИИ, 1971.

16. Цагаева А. Дз. Топонимия Северной Осетии. Ч. 2: Словарь географических названий. Орджоникидзе: Ир, 1975.

17. Чокаев Р. К. Из тюркской топонимии Чечено-Ингушетии // Ономастика Кавказа: Межвуз. сб. статей. Орджоникидзе: Изд-во Сев.-Осет. гос. ун-та, 1980. С. 158–160.

Khanmohamed L. KHANMAGOMEDOV

Dr. Sci. (Economic, Social and Political Geography), Prof.,
Department of Physical Geography and Geocology,
Dagestan State Pedagogical University,
Makhachkala, Russia

Adzabike N. GEBEKOVA

Cand. Sci. (Theory and Methods of Teaching and Education),
Assoc. Prof., Department of Pedagogy and Preschool Psychology,
Chechen State Pedagogical University
Grozny, Russia

**Turkic Toponymic Landscape of the North Caucasus outside
the Areas of Settlement of the Turkic Peoples as a Historical and
Geographical Reality**

The authors consider the Turkic toponymic landscape in the regions of the North Caucasus (in Dagestan, Chechnya, Ingushetia, North Ossetia-Alania, Abazinia (Karachay-Cherkessia), Adygea, Krasnodar Region). The emergence and functioning of the Turkic toponymic landscape outside the areas of resettlement of the Turkic peoples in the North Caucasus is the result of contacts of the Turkic-speaking peoples in these regions with the Nakh-Dagestani and Adygeyan ethnic groups. In these regions the Turkic toponyms serve as one of the components of the toponymic spectrum.

Keywords: North Caucasus, Dagestan, Chechnya, Ingushetia, North Ossetia - Alania, Abazinia, Adygea, Krasnodar Region, Turkic toponyms, toponymic landscape.

References:

1. Arsamakov, B. I., *Az i my: Ingushskiy yazyk* (I and We: the Ingush Language), Nazran: Poligrafkombinat, 2001.

2. Bayrakov, I. A., et al. *Chechenskaya Respublika: priroda, ekonomika i ekologiya* (Chechen Republic: Nature, Economics and Ecology): *Textbook*, Groznyy: Izdatel'stvo Chechenskogo gosudarstvennogo universiteta, 2006.

3. Valikhanov, Ch. Ch., *Sobranie sochineniy*, in 5 vols., vol.1, (Collected Works), Alma-Ata: Izdatel'stvo Akademii nauk Kazakhskoy SSR, 1961.

4. Geybullaev, G. A., *Toponimiya Azerbaydzhana* (Toponymy of Azerbaijan), Baku: Elm, 1985.

5. Gulieva, L. G. *Opyt issledovaniya gidronimii Kubani* (Experience of a Study of the Hydronymy of the Kuban), *Extended Abstract of Cand. Sci. Dissertation (Philology)*, Moscow, 1969.

6. Ionova, S. Kh., *Abazinskaya toponimiya* (Abazin Toponymy), Cherkessk: Knizhnoe izdatel'stvo, 1992.

7. Mayboroda, E. T. and Tsapko, M. I., *Novye podkhody k optimizatsii etnosotsial'nykh otnosheniy* (New approaches to optimization of ethnosocial relations), in *Vzaimodeystvie narodov i kul'tur na yuge Rossii. Istoriya i sovremennost': Abstracts of the Reports of the Regional Sci. Conf. (September 19-20, Rostov-on-Don)*, Rostov-on-Don: Izdatel'stvo Yuzhnogo nauchnogo tsentra RAN, 2007, pp. 71-72.

8. Meretukov, K. Kh., *Adygeyskiy toponimicheskiy slovar'* (Adyghe Toponymic Dictionary), Maykop: Prometey, 1990.

9. Safaraliev, E. Ya., *Antroponimika lezginского yazyka* (Anthroponymy of the Lezgin Language), *Extended Abstract of Cand. Sci. Dissertation (Philology)*, Makhachkala, 1981.

10. Suleymanov, A., *Toponimiya Chechni* (Toponymy of Chechnya), Groznyy: Knizhnoe izdatel'stvo, 2006.

11. Unatlova, V. Kh., *K vyavleniyu adygizmov v tyurkskikh yazykakh Severnogo Kavkaza* (To the Identification of Adygisms in the Turkic Languages of the North Caucasus), in *Simpozium: Yazykovaya situatsiya v sovremennom mire: Mezhdistitsiplinarnyy analiz global'noy i regional'noy problematiki, vol. 2, Abstracts of 1st Int. Congress (September 11-14, 1996, Pyatigorsk)*, Pyatigorsk: Izdatel'stvo Pyatigorskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta, 1996.

12. Khanmagomedov, Kh. L., *Toponimiya Dagestana. Toponimiya territorii so slozhnoy geograficheskoy sredoy i etnoyazykovym sostavom naseleniya* (Toponymy of Dagestan. Toponymy of the Territory with a Complex Geographic Environment and Ethno-Linguistic Composition of the Population), Krasnoyarsk: Izdatel'stvo Krasnoyarskogo universiteta, 1990.

13. Khanmagomedov, Kh. L. and Gebekova, A. N., *Migratsiya sirakov, kulov, kanlintsev, kaintsev po territorii Kavkaza (po dannym toponimii)* (Migration of Sirak, Kulov, Kanlintsev, Kaints across the Territory of the Caucasus (According to Toponymy)), in *Migratsiya naseleniya v strategii regional'noy bezopasnosti i regional'nogo razvitiya: Materials of Sci. Pract. Conf. (May 16-17, 2000, Smolensk)*, Smolensk: Izdatel'stvo Smolenskogo gumanitarnogo universiteta, 2000, pp. 166-167.

14. Khanmagomedov, Kh. L. and Nasrullaeva, P. N., Russkie poseleniya i toponimicheskiy landshaft Tersko-Sunzhenskogo regiona Severo-Vostochnogo Kavkaza (Russian Settlements and Toponymic Landscape of the Tersko-Sunzhensky Region of the North-Eastern Caucasus), *Izvestiya Dagestanskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta, Ser. "Estestvennye i tochnye nauki"*, 2016, № 1 (34), pp. 110-116.

15. Tsagaeva, A. Dz., *Toponimiya Severnoy Osetii* (Toponymy of North Ossetia), vol.1, Ordzhonikidze: Izdatel'stvo Severo-Osetinskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta, 1971.

16. Tsagaeva, A. Dz., *Toponimiya Severnoy Osetii* (Toponymy of North Ossetia), vol. 2: *Slovar' geograficheskikh nazvaniy* (Dictionary of Geographical Names), Ordzhonikidze: Ir, 1975.

17. Chokaev, R. K., Iz tyurkskoy toponimii Checheno-Ingushetii (From the Turkic Toponymy of Checheno-Ingushetia), in *Onomastika Kavkaza: Intercollegiate Sel. Papers*, Ordzhonikidze: Izdatel'stvo Severo-Osetinskogo gosudarstvennogo universiteta, 1980, pp. 158-160.

С. Г. Батырева*

Традиции в искусстве как фактор в диалоге этнических культур

Статья посвящена анализу современного изобразительного искусства Калмыкии. Оно рассматривается автором как сохраняющее традиционное начало и важный фактор в диалоге этнических культур. Культурное наследие народов выступает ресурсом обеспечения и укрепления межнационального единения полиэтничного общества Российской Федерации.

Ключевые слова: культура, этнос, традиции, искусство, творчество, художественный образ, буддизм, фольклор, культурное наследие.

Современное искусство Калмыкии, несмотря на многие исторические перипетии судьбы народа, сохраняет традиционное начало. Традиции в изобразительном искусстве, дифференцируемые нами на собственно фольклорные и буддийские, органично перекрываются и

* **БАТЫРЕВА Светлана Гарриевна** – доктор искусствоведения, профессор, ведущий научный сотрудник отдела этнологии Калмыцкого института гуманитарных исследований Российской академии наук Элиста, Россия. Электронная почта: sargerel@mail.ru.